

ЯНА САКОВСКАЯ
АМСТЕРДАМ

Яна Саковская

Амстердам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24869012

Аннотация

Они встретились, когда были молодыми, Виктор и Амстердам. Виктор, вдумчивый наблюдатель, стал писателем. Амстердам, лёгкий на подъём любитель технологических новинок, стал предпринимателем и инвестором. Вместе они стали друзьями на всю жизнь. Они дали друг другу два обещания. Первое – что когда-нибудь они вместе поедут в Амстердам. Второе – что когда Амстердам будет умирать, Виктор будет рядом. Шли годы – эти обещания не выполнялись. Пока Амстердам занимался многочисленными проектами, Виктор написал книгу, "Амстердам без Амстердама", о городе и его жителях. Пока Амстердам был на випассане в Индии, Виктор умер. Они не успели вместе съездить в Амстердам. И Виктор умер раньше. Однако обещания, которые они дали друг другу, сильнее смерти. И будут исполнены.

Амстердам

Получаю из хранилища свои ноутбук и телефон, включаю телефон.

49 пропущенных вызовов. Вначале сплошь от Оливии, потом попеременно то Оливия, то Марселла. В конце только Марселла.

9 новых сообщений.

От Оливии.

«Амстердам, Виктор умер. Не могу до тебя дозвониться. Похороны послезавтра. Позвони мне, как прочтёшь это сообщение».

Ноги подкашиваются, и я опускаюсь на пол прямо посреди холла.

«Амстердам, прощание завтра в 14. Все встречаются в полдень у нас. Ты будешь?»

«Амстердам, мать твою».

От Марселлы.

«Амстердам, мне очень жаль. Если тебе нужно будет поговорить с кем-то, ты всегда можешь позвонить мне. Оливии тяжело, но сейчас я с ней. Может быть, это шанс и для нас оставить старые обиды и вновь сблизиться».

С неизвестного номера.

«Уважаемый Амстердам Дисмор, здравствуйте. Это адвокат и управляющий делами Виктора Нортстоуна. Приношу Вам свои соболезнования в связи со смертью Вашего

друга. Вы упомянуты в завещании, но оглашено оно может быть только в Вашем присутствии. Пожалуйста, свяжитесь со мной по этому номеру при ближайшей возможности. С уважением, Ричард Палмер».

Ещё четыре сообщения с соболезнованиями от общих знакомых.

Все – недельной давности.

Слышу, как меня окликают по имени. Поднимаю взгляд – куратор нашей группы доброжелательно смотрит на меня и шевелит губами. В ушах шумит, и его слова до меня не доходят. Он выжидающе смотрит на меня. Встряхиваю головой.

– Простите?

– Я спросил вас, всё ли с вами в порядке и могу ли я чем-нибудь вам помочь.

– Нет, со мной не всё в порядке. Неделю назад умер мой самый близкий друг во вселенной, а я тут сидел медитировал по десять часов в день. И если вы скажете, что на то была воля божья или что это подтверждает первую благородную истину, клянусь, я разобью вам лицо. Лучше просто отойдите.

Куратор молчит немного.

– Если вы предпочтёте ужинать и завтракать не вместе со всеми, а в своей комнате, то вам стоит только сказать мне об этом в течение дня, и ужин и завтрак будут поданы вам в комнату.

Он оказался намного более тактичным человеком, чем я ожидал, и я тронут.

– Спасибо. Я подумаю и сообщу.

– Привет, Оливия.

– Привет, Амстердам.

Я ожидал бури, но её голос звучит ровно. Я набрал её номер, особенно не готовясь к разговору – просто поднялся с пола, вышел на террасу и позвонил, и теперь я жду, когда внутри меня появятся хоть какие-то слова.

– Оливия, я... – слова виснут в воздухе, а она ждёт, что я скажу. Пока нужно сказать самое важное. – Я сожалею, что меня там не было. Я сожалею, что тебе пришлось проходить через это одной.

– Мне очень помогла Марселла. Она всё организовала и каждый день навещает меня, часто остаётся на ночь. Я думаю, что вам с ней стоит поговорить и помириться. Я думаю, что Виктор очень хотел бы этого.

Её голос звучит не ровно, как мне показалось вначале, а безжизненно. Я понимаю, что я ничего не мог сделать, но чувствую себя последней сволочью.

– Когда у тебя самолёт? И куда? В Брюссель или в какое-нибудь сафари или в полярную экспедицию на полгода? – голос её звучит язвительно, но я скорее рад этому. Давай, сердись на меня, но хотя бы будь живой.

– Мой самолёт завтра днём, но там неудачная 8-часовая пересадка в Абу-Даби, поэтому в Брюсселе я буду только послезавтра в полвосьмого утра.

– Заедешь к нам? В смысле, ко мне... – голос опять гаснет, и у меня перехватывает горло.

– Конечно. Будет ли у тебя настроение испечь блинчиков? Местная диетическая аюрведическая кухня сделала меня полупрозрачным, и я мечтаю о твоих блинчиках, – Я зажмуриваюсь и втягиваю голову в плечи: не о блинчиках мы должны сейчас говорить! Слова сорвались быстрее, чем я обдумал их, и сейчас мне ужасно стыдно.

– Хорошо, – отвечает она легко. – Будет хотя бы, чем заняться.

– А, и ещё. Передай, пожалуйста, Марселле, что я позволю ей, когда вернусь. Сейчас я больше ни с кем не хочу разговаривать.

– Поняла тебя, – и неожиданно её голос теплеет. – Обнимаю тебя, Амстердам. Мне жаль, что ты сейчас там один. Приезжай, я накормлю тебя блинчиками, и мы поплачем вместе.

– Обнимаю тебя, Оливия. – Дрогнувшим голосом говорю я, и мы заканчиваем разговор.

Я пишу адвокату короткое сообщение о том, что я свяжусь с ним после возвращения, выключаю телефон и направляюсь в свою комнату, привычным движением направляя внимание на дыхание. За три недели випассаны меня, слава богу, научили отключать мысли и проводить время. Хоть чем-то она пригодилась.

– Представляешь, он катался на коньках. Неудачно упал, ударился затылком об лёд, случилось кровоизлияние в мозг, и в больнице он умер, не приходя в сознание.

Оливия невидящим взглядом смотрит в окно, а я дожёвываю кусочек блинчика и откладываю вилку. Выглядит Оливия неважно: похудела и как-то посерела.

– Ты ешь! – она переводит взгляд на меня. – Это я так, болтаю. Тебе же всё равно интересно. Блинчики-то хоть получились?

– Да, вкусные. Спасибо, что приготовила.

– Пожалуйста, – она грустно усмехается. – Во многих делах сейчас я не вижу смысла, поэтому мне приятно было провести осмысленный час жизни за готовкой.

– Спасибо, – повторяю я и продолжаю завтрак. Оливия держит кружку двумя ладонями около лица, уперев локти в стол, и вновь смотрит в окно.

– Никто не успел с ним попрощаться. Точнее, в каком-то смысле все успели. Все когда-то попрощались с ним в последний раз, – голос её дрожит, она отворачивается, а я вспоминаю своё прощание с ним. В тот день из издательства прислали две коробки авторских экземпляров его последней – боги, теперь уже официально последней – книги, «Amsterdam without Amsterdam», и он позвал меня открывать коробки и праздновать это событие. А потом я вернулся к себе, собрал вещи и улетел на випассану в Мумбаи.

– Как прошла презентация?

– Благополучно. Ровно, продуманно. Всё, что нужно было подготовить, было подготовлено заранее, и в день презентации Виктору нужно было просто приехать вовремя, пожать всем руки, рассказать о книге, подписать несколько десятков экземпляров, сфотографироваться с желающими, ещё раз пожать всем руки – и всё. Мне очень понравилось, каким он стал в работе над этой книгой – собранным, лёгким и спокойным. И книга вышла такая, и всё вокруг неё получалось таким. А ты успел прочитать?

– Нет, я взял с собой, но там как-то было не до этого...

– На презентации Виктор говорил только о тебе, – Оливия смотрит мне прямо в глаза, и почему-то я чувствую себя очень виноватым, как будто это я совершил нечто непоправимое. – Говорил не о книге, а о тебе.

Я не знаю, что ответить на это. Головой я понимаю, что она, Марселла и другие уже неделю живут в мире без Виктора и уже хотя бы немного свыклись с этой мыслью и проходят разные стадии горя, а я пока ещё не могу осознать, как это: когда нет Виктора.

– Вечером придут Марселла и Ричард, адвокат. Останешься до вечера? – меняет тему Оливия.

– Да. Я бы в таком случае принял душ и вздремнул – всё-таки больше суток в дороге. Ты не против?

Оливия встаёт и начинает собирать со стола пустую посуду.

– Амстер, я могу ревновать или не принимать этого сколь-

ко угодно, но это не отменяет факта, что этот дом настолько же твой, насколько мой. И ты тоже это знаешь. Поэтому иди спи, мойся, приходи в себя – только не умирай, пожалуйста, ладно?

Я допиваю последний глоток кофе, отдаю ей чашку, киваю и иду приводить себя в порядок.

Поднимаю было руку, чтобы по привычке постучать в дверь кабинета Виктора, но понимаю, что в этом больше нет необходимости. Прислоняюсь горячим лбом к прохладной двери на несколько вдохов и выдохов и открываю дверь.

Почти ничего не изменилось. Только из двух коробок «Амстердама без Амстердама» осталась одна, и Виктор передвинул её к подоконнику. Цветы выглядят вяло. Беру из угла подоконника бутылку с водой и поливаю их. Надо будет и остальные в доме полить: Оливия вряд ли думала в цветах в эти дни.

Я знаю этот книжный штамп, «всё выглядит так, как будто он только что вышел на несколько минут и вскоре вернётся», и я ничего не могу с собой поделать, потому что меня охватывает именно это ощущение.

На столе – листочек со списком дел на 30 января, день, когда его уже не было в живых. Позвонить в издательство, оплатить счета, написать несколько электронных писем... Касаюсь букв, написанных его рукой.

Сажусь в его кресло, где больше всего ощущается его при-

сутствие, и пытаюсь объяснить себе, что его больше нет. Что все эти книги, эти стол, кресло, диван теперь принадлежат не ему, а то ли мне, то ли Оливии, смотря что в завещании, и теперь это просто вещи, которыми нужно распорядиться. И теперь кто-то, и уже вечером мы узнаем, кто, является наследником авторских прав, а писателя, большого любителя слушать истории людей и самого-самого для меня человека, Виктора Нортстоуна больше на этой земле нет.

Поднимаю крышку его ноутбука. Экран показывает имя пользователя, Victor North, и предлагает ввести пароль. Я не знаю пароля. Поднимаю руку, чтобы закрыть ноутбук, и взглядом цепляюсь за коробку книжек. Вообще-то, может быть, я знаю пароль. Набираю:

«Amsterdam1979». Год нашего знакомства.

Ноутбук показывает мне рабочий стол. На рабочем столе – фотография. Он, Оливия, я, Марселла, с горящими глазами, у каждого – по сложенному листу бумаги с пожеланиями себе. Рождество пять лет назад.

Меня накрывает. Обхватываю руками живот и сажу, непроизвольно раскачиваясь туловищем вперед-назад. В голове пусто, а потом вспышками возникают слова. Я смотрю на коробку с книгами и говорю вслух.

– Я обещал тебе, что мы поедем в Амстердам. Ты ждал и, хоть и никогда не был в Амстердаме, написал книгу об Амстердаме. Об Амстердаме без Амстердама. Я думал предложить тебе поехать туда весной...

Тишина кабинета впитывает мои слова. Я перевожу дыхание.

– А ещё ты обещал, что будешь со мной, когда я буду умирать.

Оливия была даже ближе к истине, чем мы оба думали, когда она сказала, что этот дом настолько же мой, насколько её. Виктор оставил свою долю дома мне. Держателем авторских прав на все его книги, кроме последней, становилась Оливия, а права на «Амстердам» и все доходы с продаж переходили мне.

Ричард Палмер, спокойствием, аккуратностью и элегантностью костюма похожий на самого Виктора, сказал, что завещание было дополнено после того, как книга поступила в продажу. То есть, когда я уже был в Индии. Может быть, Виктор чувствовал приближающийся конец?

Марселла, усталая и время от времени направляющая в мою сторону вопросительно-печальные взгляды, была весьма удивлена, что Виктор оставил ей некую «коробку с воспоминаниями».

– Виктор сказал, цитирую, «Амстердам знает, о чём идёт речь, и где её искать», – адвокат вопросительно смотрит на меня. Я думаю секунду, киваю и перевожу взгляд на Оливию. Она поджимает губы. Я вздыхаю. Она наверняка опять думает что-то в духе «он любил своего друга больше, чем меня». За столько лет я пришёл к мысли о том, что бесполезно

что-то доказывать, пока она не будет готова допустить, что это не так или не совсем так, что в сердце Виктора было достаточно любви для нас всех. Но мне всё равно грустно, что внутри неё продолжается эта драма.

– А ещё Виктор оставил по письму для каждого из вас.

Ричард достаёт из большого конверта три конверта поменьше и, сверившись с надписями, раздал их. Беру свой и немедленно хочу уйти в кабинет и побыть с Виктором.

– Амс? – Марселла окликает меня, направляющегося к лестнице и распечатывающего письмо. Я невнятно машу рукой.

«Друг мой,

Вот я и ушёл первым. Надеюсь, что эта смерть произошла вдали от тебя, и тебе не пришлось меня хоронить.

Я не представляю, каково сейчас тебе. Будь я на твоём месте, у меня, наверное, разорвалось бы сердце.

Если бы ты умер, то о твоей смерти я больше всего хотел бы поговорить с тобой. Мне больше всего не хватало бы тебя, чтобы разделить и понять это горе. Поэтому я здесь, чтобы поговорить с тобой о моей смерти и о том, как жить дальше. И вот, что я хочу тебе сказать.

Я умер, а ты жив и продолжаешь своими поступками участвовать в жизни и строить будущее.

Ты любишь новые технологии, гаджеты и новости о создании новых. Ты любишь инвестировать в то, что, на твой

взгляд, создаёт будущее. Ты любишь собирать и сплачивать талантливых людей, и пусть ещё много стартапов взлетят с твоей помощью. Пусть от этого в мире появится много доброго.

Ты любишь находить новые возможности для себя, и ты любишь ощущение, что сейчас, в шестьдесят, для тебя возможно даже больше, чем в тридцать или сорок. Ты любишь стильно одеваться и пробовать новые стрижки.

Ты любишь движение и стихии. Парашюты и велосипеды, верховую езду и мотоциклы, кайтинг и каноэ, спуск с аква-лангом и фридайвинг. Ты любишь итальянскую и китайскую кухню, а также блинчики, которые делает Оливия, свекольный суп, который готовит Марселла, и сидр, который делаю я.

Ты любишь Марселлу. Ты не можешь видеться с ней в последнее время именно потому, что ты очень любишь её, и тебе больно видеть её, зная, что ваша совместная жизнь разладилась. Может быть, вы уже не сможете быть мужем и женой, но я верю, что вы можете стать хорошими друзьями. Амстер, столько лет мы все вместе! Такие связи, такая долгая и глубокая близость – это главное, что есть у нас сейчас.

Ты любишь Оливию и печалишься, чувствуя, что происходит внутри неё по поводу нас с ней и нас с тобой, и что с годами ничего не меняется, но я попробовал в письме ей сказать нечто, что поможет ей отпустить своё беспокойство. Вдруг срывается?

А ещё ты любишь меня, наш дом, мои книги, диван и плед в моём кабинете, вместе курить трубку, разговаривать до глубокой ночи, работать за ноутбуками в одном пространстве и проводить вместе время жизни.

А я, мой друг со страннейшим именем Амстердам, всем сердцем и навсегда люблю тебя.

До новой встречи,
Виктор

P.S. Если вдруг ты захочешь говорить со мной ещё или примешь решение уходить, приезжай на край света».

Свернувшись калачиком на диване в его кабинете и натянув край пледа на голову, я прижимаю письмо к груди и плачу.

Отдышавшись, я вылезая из-под пледа, открываю один из шкафов с незастеклёнными дверцами и вытаскиваю оттуда коробку, которую Виктор имел в виду, говоря о коробке воспоминаний. Он всё увидел правильно. Теперь, когда он ушёл, роль помнящего, кто мы есть на самом деле, и любящего нас такими, переходит к Марселле.

Марселла сидит на диване, Оливия лежит, положив голову ей на колени. Адвоката уже нет, на столе – большой про-

зачный чайник чая с листьями мяты, три чашки, одна из которых пустая, и распечатанные письма.

– Спасибо, что приготовили чай, – я наливаю чай, освобождаю место на столе и ставлю коробку. Оливия приподнимается, и мы рассматриваем содержимое.

Фотографии. 70-е. Виктор с Оливией, свадьба, вот на фотографиях появляюсь я, вот наша велосипедная прогулка втроём, вот мы с Виктором в выпускных мантиях.

– А это когда? – спрашивает Марселла. – И почему у него рубашка рваная?

Фотография, которую сделал я, – Виктор сидит за печатной машинкой и с горящими глазами печатает первый рассказ.

– Вскоре после выпуска. Он ныл: "А, может быть, миру будет лучше, если я не буду писать?"» Меня страшно взбесило это, и я швырнул в него пишущей машинкой. Виктор не уклонился, а поймал её. Не удержался на ногах, упал и ушибся, рубашка порвалась от падения и острых деталей машинки, но, вставая, Виктор прижимал машинку к груди, как младенца. Поставил её обратно, зарядил листок бумаги и стал яростно стучать по клавишам. А я сфотографировал его.

Вот мы распечатываем коробку авторских экземпляров первой книги. Вот вечеринка по поводу моего первого взлетевшего проекта.

– А это?

– Это я после первого крупного провала. Виктор тогда вы-

вез меня на природу, я лежал на берегу моря и изображал выкинутую на берег морскую звезду. Я думал, он следит за костром и готовит еду, а он фотографировал меня, оказывается.

Вот мы с Марселлой в день знакомства: я сижу со смущённым, суровым и торжественным видом, готовясь спросить у неё номер телефона, она краем глаза смотрит на меня и тонко улыбается, и Виктор, сидящий напротив, это фотографирует. Оливия с лопатой и шлангом в саду недавно купленного дома. Я в новом костюме, отправляющийся на вечер в честь запуска объединённого проекта двух крупных компаний, которых я уговорил работать вместе. И так далее. Десятки фотографий памятных моментов нашей жизни, а ещё – мои открытки ему, камни, листья и цветы, шишки и другие милые ему мелочи.

– Что мне с этим делать? – спрашивает Марселла, обращаясь ко мне.

– Наверное, если можешь и хочешь, продолжай любить и собирать это – моменты, в которых мы настоящие. И, когда мы будем забывать об этом, просто напоминай, кто мы есть на самом деле.

Оливия медленно выдыхает, тянется к письму и перечитывает несколько строчек.

– Я почему-то думала, что Виктор умрёт последним из нас. Что-то в нём было такое, что я думала, что я могу уме-

реть, будучи спокойной за него, что ему будет нелегко, но он справится. Или даже если ты умрёшь раньше, – она косится в мою сторону. – То Виктор будет срубленным посередине ствола деревом, как эти бедные городские деревья, но он стоит так зиму или две, а весной всё равно выпустит новые ветви и листья. Это ощущение, что Виктор – переживёт, что Виктор может пережить вообще всё, что угодно. А получилось наоборот.

– Может быть, поэтому он и ушёл первым, что ему не нужно учиться переживать смерть. Это мне нужно... – говорю я и морщусь, пытаюсь унять подступающие слёзы. – И ведь этот чёртов гений сделал в письме самое главное: он отделил себя умирающего от меня живущего. Он напомнил мне о том во мне, что не должно умирать вместе с ним...

Горло перехватывает, я резко встаю, иду к бару и достаю бутылку сидра минувшего года. Виктор сделал, а всё никак не выпадал случай опробовать, что получилось. Пока вожусь с бутылкой, Оливия достаёт стаканы.

От этого сидра хочется смеяться и благословлять то мгновение, в котором я живу. Я ничего не могу с собой поделать. Я смеюсь и дышу блаженством жить, рыдаю, потому что в мире больше нет человека, присутствие которого составляло половину моего счастья, и опять смеюсь, потому что вот оно, его руками сделанное и его любовью закупоренное доказательство того, что счастье есть.

– За Виктора и за то в нас, что продолжает жить, – подойдя

к нам, предлагает Марселла. Достает из кармана телефон – и вот у нас уже есть фотография. Первая фотография эры «после Виктора».

То в нас, что продолжает жить.

Спать я опять иду в кабинет Виктора.

Перед сном достаю из чемодана «Амстердам без Амстердама», включаю торшер, укрываюсь пледом и устраиваюсь поудобнее.

Посвящение: «Сердцу, что бьётся в том же ритме». И автограф Виктора под ним. Выдыхаю, переворачиваю страницу и начинаю читать.

В три часа ночи, прочитав где-то две трети, я не выдерживаю.

Откладываю книгу, пересаживаюсь за стол, включаю его ноутбук, прикидываю, где могла бы находиться папка с материалами к книге, угадываю и начинаю изучать её содержимое. Открываю закладки браузера, и вижу двенадцать подкатегорий в папке «Амстердам», и в каждой из них – десятки ссылок. Я ввожу слово «Amsterdam» в строке поиска в его электронном почтовом ящике – и почта выдаёт семь страниц писем с этой темой.

Я, конечно, знал эту эпопею. Я видел, как Виктор часами просматривает Instagram по тегам #iloveamsterdam #iamsterdam и прочим по теме, чтобы посмотреть на го-

род глазами тех, кто хочет запечатлеть увиденное, потому что оно как-то отозвалось в их сердце. Я внимательно слушал избранные посты, которые Виктор зачитывал из группы «Humans of Amsterdam» на Facebook. Я допускаю, что Виктор изучил карту города так, что мог объяснить, как куда пройти.

Но почему-то я был уверен, что у него не получится сделать город живым. Я думал, что для этого нам придётся поехать в Амстердам весной, и только тогда книга будет закончена. Я недооценил его. Виктор побывал в Амстердаме. Без меня.

Что, собственно, и значится на обложке.

Вот ведь гад.

Но.

А если он предчувствовал, что не доживёт до этой весны? И заранее внёс посильный вклад в нашу дурацкую неосуществлённую мечту?

Вытаскиваю листок бумаги, складываю его пополам, пишу:

«Оливия, пожалуйста, любой ценой разбуди меня утром, когда сама встанешь. И давайте печь блинчики вместе».

Отношу листок в гостиную, ставлю «домиком» на видное место, возвращаюсь, накрываюсь пледом и проваливаюсь в сон.

– Я еду в Амстердам, – торжественно объявляю я в конце завтрака.

– И ради этого объявления ты всё это устроил? – Оливия обводит жестом стол, и глаза её улыбаются. Хотя бы поэтому это было не зря.

– А вы читали?

Обе кивают.

– Я опять тормоз, да?

Обе кивают. Я цокаю языком и люблюсь ими. Иногда мне кажется, что мы не заслужили таких женщин.

– А кроме этого? – спрашивает Марселла. – Чего ты хочешь кроме этого? Амстердам – это всё же про Виктора и вас с ним. Чего ты хочешь сам для себя?

Она невероятна.

Я встаю, и стул гремит по полу. «Ещё одно объявление?» – говорят их взгляды, и я смеюсь.

– Мне нужно работать.

Я знаю, что я не провёл их, но иду к лестнице, расправив плечи.

– Вот таким я тебя и люблю больше всего, – у подножия лестницы меня настигает голос Марселлы.

Я останавливаюсь и позволяю её словам проникнуть глубоко внутрь меня.

– Может быть, у нас впереди не всё, потому что, будем честны, возраст уже не тот, но впереди точно что-то есть, – отвечаю я и поднимаюсь.

В кабинете решительно отодвигаю в сторону его ноутбук, ставлю, подключаю и включаю свой. Беру листок бумаги, пишу заголовок «Идеи», подчёркиваю его и замираю с ручкой. В голове пусто.

«Вот таким я тебя и люблю больше всего».

Всё, что мне нужно, – это немного времени.

Вечером меня всё же опять накрывает.

Мой ноутбук на его столе, а его – отставлен в сторону, и он больше никогда не воспользуется им. Вместо заметок об Амстердаме или чём угодно другом, что привлекло бы его внимание и стало бы основой для нового произведения, – его ручкой, на его бумаге моим почерком сделанные заметки. От «идеи» до «идеи 7» – весь день я узнавал, что нового появилось в мире, пока я был в отрыве от цивилизации, и что нового принесли к нам в бизнес-инкубатор. Кабинет постепенно обрастает вещами, которые я вытаскиваю из чемодана, но Виктор больше никогда не войдёт в кабинет и не посмотрит на меня выразительно, чтобы я огляделся, признал наличие нетворческого беспорядка и прибрал бы свой хлам. Или хотя бы локализовал его на диване.

Наша жизнь продолжается, «I get by with a little help from my friends», а его – закончилась. В ней больше не будет никаких изменений. Сейчас я чувствую себя как никогда ближе к нему и к себе, но далее с каждым шагом я буду меняться, со мной будет что-то происходить, а я не смогу поделиться

этим с ним. Я буду всё дальше от него.

Меня мутит, и я иду вниз. В гостиной застаю Оливию с серым лицом и пустым взглядом заплаканных глаз. Я, наверное, тоже выгляжу неважно, но при взгляде на неё сердце сжимается. Сажусь рядом и обнимаю.

– Слушай, давай договоримся: если будет сильно накрывать, давай идти друг к другу. Хотя бы первое время.

Она кивает.

– На самом деле, я даже не про него сейчас, а про себя. Прочитав его письмо вчера, я стала кое-что понимать про нас с ним и вас с ним, – она подбирает слова и продолжает. – Я поняла только что, что я всю жизнь, почти сорок лет совместной жизни с ним не могла принять в нём его любовь к тебе. Что все его книги посвящены тебе, и ни одной – мне. Что если бы вдруг перед ним встал выбор, кого спасти, тебя или меня, или за кого отдать жизнь, он бы не раздумывал ни мгновения.

– Да ладно, перед ним бы не встал такой выбор, – отмахиваюсь я от этой идеи.

– Вот именно... – она горько усмехается, и я наконец понимаю, что она имеет в виду. – Ты бы видел, как он начал сиять, когда ты ехал к нам. И одновременно он в твоём присутствии всегда вёл себя естественно. Я наблюдала много раз, как он, может быть, от смущения напускал на себя какой-то вид, общаясь с разными людьми, а при тебе он полностью расслаблялся. Я осознала сейчас, что я ненавидела

это в нём. И получается, что мои слова о том, что я люблю его, были ложью, потому что я не принимала и не любила его в любви к тебе, а любила свой образ того, каким он должен быть.

Признаться, я поражён. Но, похоже, это ещё не всё. Она невесело улыбается и продолжает.

– И когда я не любила его, я в то же время не принимала его любовь ко мне. Я желала какой-то особенной любви и не желала принимать ту любовь, которую он был готов мне дать и давал. А он, сейчас я уже понимаю это, дарил мне очень много человеческой любви. Пусть он любил тебя совершенно нечеловечески, в самом лучшем и полном смысле этого слова, он очень сильно по-человечески любил меня. И я, похоже, давала ему что-то, ради чего он выбирал жить со мной, а не с тобой все эти годы. У вас была какая-то другая связь... Вы каждый познавали своё в мире, а потом встречались, чтобы самым ценным поделиться друг с другом и побыть вместе. Но при этой волшебной совместности у каждого из вас была отчётливо своя жизнь. И, похоже, Виктору был нужен спутник этой жизни, пока вы были отдельно друг от друга, и этим спутником была я, а я этого никак не понимала все эти годы. Вместо того, чтобы любить его таким, какой он есть, я ненавидела то, что он любит тебя. Вместо того, чтобы принимать его любовь, я требовала от него, чтобы он любил меня определённым образом. И вместо того, чтобы узнавать и любить тебя, Амстердам... в общем, ты сам знаешь.

Я усмехаюсь и киваю.

– Но ведь, – она смотрит на меня глубокими ясными глазами. – Ещё ведь не поздно для меня начать узнавать тебя?

Внутри разворачивается что-то тёплое, и я с удовольствием отвечаю:

– Здравствуй, Оливия.

– Здравствуй, Амстердам.

Мы обнимаемся. Когда отстраняемся, она говорит:

– Представляешь, поняв это всё, я чувствую сейчас, что, несмотря на то, что мне шестьдесят, что мой муж, с которым я прожила почти сорок лет, умер неделю назад, – я могу полюбить ещё. По-настоящему полюбить человека и принять ту его любовь, которую он сможет мне дать. И это так здорово...

Она улыбается и несколько мгновений задумчиво смотрит куда-то вдаль, а потом опять поворачивается ко мне.

– Я думаю, что ты прав, Амстердам. Впереди точно что-то есть.

Боль, которая погнала меня из кабинета вниз, отступила, и мне тепло.

– Вот теперь можно, – говорит Оливия, достаёт из кармана флеш-карту и протягивает мне. Я машинально беру и поднимаю на неё вопросительный взгляд. Она делает глубокий вдох и медленно произносит. – Виктор надиктовал «Амстердам». 8 часов 52 минуты его голоса. В письме мне он попросил передать тебе эту флешку, когда мы с тобой помиримся.

Внутри всё сжимается и опять расправляется. Ещё 8 часов и 52 минуты его присутствия. У меня есть ещё немного времени побыть с ним. О боги. Если хочет, Виктор умеет быть эффективным. То есть, умел.

Глубокий вдох и выдох.

– Себе-то скопировала?

– Нет, – коротко отвечает она, смотря в сторону. Мне становится смешно.

– Дурёха. Виктор – писатель. Он умеет ставить сцены. Если бы он хотел передать что-то лично мне, он бы нашёл несколько способов сделать так, чтобы никто об этом не узнал. Если бы он оставил запись мне с просьбой передать тебе, ты бы оскорбилась, и мы бы больше никогда не разговаривали. Он мог бы оставить нам по флешке, но он слишком любил нас обоих и слишком хотел, чтобы мы увидели друг друга и стали нормально общаться. Поэтому такая просьба.

– Теперь, когда ты это сказал, звучит похоже на правду... – пробует улыбнуться она.

– Я скопирую себе и верну тебе флешку.

Она кивает. Слышу стук входной двери: похоже, пришла Марселла. Дожидаемся её появления в дверях.

– Давайте я сделаю свекольный суп на ужин? – предлагает она, проходя с пакетами. – Я всё купила.

Мир балует меня любимыми блюдами и увеличением количества любви, которую я чувствую. Мой ход.

– Марселла, я... – она останавливается на полпути. – Я

помогу тебе с супом, а ещё я хочу предложить тебе участвовать в одном деле, которое провалится без твоей интуиции. За ужином расскажу.

***

«Виктор,

Ты был гениально прав, оставив письма и объяснив в них, что значит то, что ты умер. А именно, что ты – умер, но мы втроём – продолжаем жить, а также продолжает жить наша любовь к тебе и твоя любовь к нам.

Но не о твоей смерти я хотел бы говорить сейчас, когда прошло уже больше года.

Я хотел бы рассказать тебе о той жизни, которая происходит с нами. Я так скучаю по тому, чтобы развлекать тебя историями, а потом находить их в твоих книгах, слово в слово – или едва узнаваемыми. Ты бы знал, как я скучаю по живому тебе...

Оливия с осени в Амстердаме. В первое время после твоей смерти она, цитирую, «наблюдала за жизнью в себе и в мире», и делала это, ухаживая за садом. Через полгода она продала мне свою половину дома, оплатила первый уровень обучения в школе флористики и переехала в Амстердам. Недавно прислала Марселле фотографию, на которой они с каким-то пожилым господином в костюме и шляпе катаются на велосипедах. Кататься на велосипеде в костюме и шляпе! Я за них спокоен.

Марселла стала самым важным членом инвестиционного совета. Я не могу так, как она. Я могу послушать человека, почитать его тексты, послушать презентацию и оценить, насколько жизнеспособен предлагаемый им проект, взлетит-не взлетит, а если взлетит, то как долго продержится. Ты бы обращал внимание на слова и показывал, где человек отвечает за свои слова, а где – декларируя что-то одно, старается на самом деле достичь чего-то другого, пусть даже он это не осознаёт. А Марселла невероятна по-другому. Она каким-то образом чувствует, можно ли человеку, который представляет нам свой стартап, доверить то дело, которое он хочет на себя взять. Она смотрит на любовь, заботу и ответственность человека. Можно сказать, что это непрофессионально, потому что она оценивает личность, соответствие личности проекту, но она ещё ни разу не ошибалась. По каждому проекту, которому мы в итоге отказываем, она записывает видео для кандидата с подробной, очень бережной и сердечной обратной связью. И я думаю, что эти ребята, получившие от неё обратную связь, ещё вернутся.

Я не знал, что выбрать, поэтому последовательно вложил деньги во всё, в чём я хотел участвовать. Три технологии переработки пластиковых отходов, и эти заводы работают на солнечной энергии. Мне пришлось изрядно побегать и выйти на новый уровень в умении сподвигать людей делать большие и красивые дела, но это того стоило. Перевёл два миллиона тем ребятам, которые собираются чистить Мировой

океан. Миллион – на совершенствование технологии коммуникации людей с различными формами паралича. Все доходы от «Амстердама» идут в институт, который занимается строительством светских школ в центральной Азии. Марселла тогда спросила: что бы я хотела сделать для себя? Когда хочу, могу и за год всё сделать.

Если бы ты был жив, я бы поехал к тебе, рассказал бы всё это, и внутри меня появилось бы место для новых идей. Но тебя нет.

Сегодня утром я доехал на велосипеде из Эрисейры, небольшой португальской деревушки, до мыса Рока, самого ближайшего к нам края света. Дальше – только Америка за океаном. Я стоял и орал твоё имя. Я целый год не называл тебя по имени, во мне накопилось его много и громко. Потом ради подвига я забрался в Синтру, посмотрел дворец и скатился вниз. Сейчас сижу на балконе в отеле, ноги приятно гудят, и пишу тебе это письмо.

Ты приглашал, если я захочу поговорить с тобой или уходить, приехать на край света. Я приехал, Виктор.

Твой уставший друг,

А.

P.S. Завтра вечером я грузу велосипед в самолёт и лечу в Амстердам. До встречи в Амстердаме».

«Привет всем!

Меня зовут Амстердам (хотя, если вы читаете это, то вы,

скорее всего знаете, как меня зовут). Мои родители познакомились в Амстердаме и решили, что будет весьма романтично назвать ребёнка в честь города. У меня есть друг, Виктор Нортстоун, с которым мы мечтали вместе поехать в Амстердам. Мой друг умер больше года назад, но перед смертью написал для меня книгу, «Амстердам без Амстердама», и завтра я наконец-то лечу в Амстердам. Я создаю этот канал, `amsterdam_with_victor`, чтобы эта история, о том, как мы с Виктором ходим по Амстердаму, была рассказана. Подписывайтесь!»

Фотографирую на телефон книгу с лежащим поверх неё паспортом, прикрепляю фотографию к тексту, несколько минут делаю репосты и другие необходимые действия, пишу сообщение Марселле, ставлю телефон на авиарежим и ложусь спать.

«Ты уверен, что хочешь уходить?» – слышу я его голос и оборачиваюсь.

Виктор. За столом в кабинете, смотрит задумчиво в экран моего ноутбука, улыбается и поднимает глаза на меня. Виктор!

«Виктор».

Он улыбается ещё шире. Меня окутывает волна сияющего тепла. Наконец-то мы вместе, и всё правильно.

«Я умер?»

«Нет. Ты написал мне трогательное письмо, создал новый

аккаунт в Instagram, рассказал о нём десяти тысячам своих друзей и подписчиков, позвал Марселлу в Амстердам и лёг спать. И теперь видишь меня во сне, и я спрашиваю тебя: не рано ли ты собрался уходить?»

«Я собрался уходить?»

«Ну, посмотри своё будущее».

«В смысле – посмотри своё будущее?»

Он недоумённо смотрит на меня, потом поднимает палец вверх и говорит: «А!» – достаёт из ящика стола трубку и начинает её раскуривать.

«Ладно, мы потом вдоволь посмеёмся, над тем, как я рассказывал тебе, как смотреть будущее, но пока... Представь свою жизнь как некий проект. И тем же самым движением, как ты оцениваешь, сколько продержится стартап, посмотри на свою жизнь».

«Заканчивается в Амстердаме», – понимаю я ясно и спокойно.

«Вот и я спрашиваю: не рано ли? Может быть, есть что-то, что ты ещё хочешь сделать? Ведь сейчас такое время бурного появления всего – как раз, как ты любишь...» – он пристально смотрит на меня, курит, комната постепенно наполняется дымом, я вдыхаю дым, и мне становится легче обзреть свою жизнь.

«Время хорошее, да, но у меня есть ощущение недостаточности. Я много сделал за этот год, и у меня осталось всего одно по-настоящему сильное желание: Амстердам. Ходить

по Амстердаму и слушать твой голос в наушниках... И пока я могу сказать это, спасибо тебе за письмо и за запись книги. Спасибо тебе, что ты сделал наше прощание долгим».

«Прощание?» – с каждой минутой нашего разговора в его глазах всё больше весёлых искорок. «Друг мой, “тебе стоит только позвать меня, и я примчусь отовсюду”. Помнишь, откуда эти слова?»

«Из песни», – вдруг появляется в голове ответ.

«Верно. Помнишь, какая строчка следующая?»

И я помню, хотя понятия не имею, откуда во мне это знание.

«Глядя в твои глаза, я вспоминаю, кто я есть на самом деле».

«Помнишь, чьи это слова?»

«И твои, и мои».

«Именно», – он затягивается, его зрачки приобретают бирюзовый цвет, и, когда их сияние и дым трубки окутывают меня, я вспоминаю:

«Как я найду тебя?» – «У меня будет запоминающееся имя. Впрочем, как обычно».

Он улыбается мне и сияет, и что-то во мне, что целый год мёрзло и молчало, отогревается и возвращается к жизни.

«То есть, чтобы увидеть тебя во сне, мне нужно было приехать на мыс Рока и написать тебе письмо?»

«Ну...» – его улыбка выглядит хитрой. – «Вообще-то, чтобы мы поговорили, было достаточно твоего намерения это

сделать. Первая строчка из песни: «Тебе стоит только позвать...» Но я хотел показать тебе мыс... И ещё было важно, чтобы ты нашёл и исполнил свои смыслы продолжать жить после моего ухода».

«Я нашёл и исполнил их».

«Может быть, тебе будет интересно что-то из этого продолжить? А то ты обычно многое начинаешь, а подхватывают другие».

Я ещё раз оглядываю свои текущие дела.

«Не в этот раз. В этот раз достаточно».

«Тогда хорошего тебе Амстердама», – мягко улыбается он.

«Подожди! Что нужно сделать, чтобы мы могли общаться?»

«Вспомнил – да не вспомнил», – усмехается он. – «Но ладно, видимо, не всё сразу. Всё, как обычно: если ты считаешь, что это невозможно, то это невозможно. Если ты помнишь, что эта связь есть, то мы можем общаться. Попробуй, когда проснёшься».

Дым заволакивает кабинет, скрывает его фигуру, и я просыпаюсь. В слезах, мокрый и горячий, как будто меня долго тёрли жёсткой мочалкой, пока я не понял, что живой.

Самое важное.

«Виктор?»

«Я здесь», – и я чувствую его улыбку. Моя жизнь заканчивается, но под конец в ней опять становится всё хорошо.

Ай да Виктор.

В книге он пригласил читателя в игру. В каждом из двенадцати рассказов он разбросал детали, из которых можно предположить, в каком именно месте Амстердама происходит действие, хотя слово «Амстердам» присутствует только на обложке, и я видел в результатах поиска по хэштегам, что читатели и любители города выкладывали коллажи фотографий упомянутых деталей, иногда даже споря друг с другом, какое место имелось в виду. Самым активным издательство дарило кодовое слово, дающее скидку на будущую покупку.

Но для нас Виктор подготовил другую версию. Прежде, чем начитывать рассказ, он называл место, откуда он приглашал нас слушать рассказ, и говорил, как туда лучше добраться. Если не на велосипедах, а на такси или общественном транспорте, то мы с Марселлой по дороге слушали историческую справку, а в конце её Виктор говорил, куда сесть, куда смотреть, на что обратить внимание. И потом начиналась история.

– Как тебе? – спрашиваю я у Марселлы, вынимая из уха маленький наушник. Мы сидим на площади Дам, на веранде модного кафе. Я бы сюда, наверное, не пошёл, да и Виктор, насколько я его знаю, тоже бы не пошёл, но, похоже, в этом и был его интерес: побыть в месте, в котором он бы при обычных обстоятельствах не очутился, и понаблюдать, как выглядит мир оттуда. Это предпоследняя история книги.

Марселла не торопясь также вынимает наушник и делает глоток уже остывшего кофе.

– По-моему, у Виктора получилась замечательная книга. В эти истории легко верить, а в этих героях легко узнать себя. Просто люди, которые встречаются с жизненными трудностями и решают их, то успешно, то не очень.

– Да! – подхватываю я. – В этой книге он как будто самоустранился как автор и создатель истории и остался просто как наблюдатель происходящей жизни.

– Как фотограф, – вставляет Марселла, и она опять проныцательна и точна.

– Да. И я же видел его заметки на компьютере: он тщательно прорабатывал каждого персонажа, – но при чтении кажется, что это просто люди.

– И ещё от книги остаётся лёгкое и воодушевляющее ощущение, что каждая жизнь, какой бы она ни казалась обыкновенной, на самом деле достаточно особенная и достойна книги...

У неё вибрирует телефон, и она смотрит на экран.

– Оливия подтверждает, что они с Фредериком ждут нас к 7 на ужин. Пойдём в номер, отдохнём и приведём себя в порядок?

– Сначала селфи, – напоминаю я, поддвигаю свой стул к её стулу и достаю телефон.

Фредерик оказался преподавателем истории искусств из

Франции, который переехал в Амстердам ради Ван Гога. Оливия за год выучилась разговаривать по-французски, и, накрывая на стол, они переговаривались по-французски. А мы с Марселлой переглядывались и улыбались. Я думал, что мне будет странно видеть Оливию с другим мужчиной, однако нет. К моменту, как мы разобрались с горячим, я обнаружил, что искренне рад, что её личная жизнь так быстро сложилась. Кстати.

– А как вы познакомились?

– Последний рассказ Виктора, про медленное рассмотрение картин. Я долго сидела перед этими подсолнухами, несколько раз подходила ближе, рассматривала, а потом садилась на место. И вот в очередной раз, возвращаясь к скамейке, я обнаружила, что рядом сидит интеллигентного вида пожилой господин, – Фредерик, слыша эти слова, улыбается. Общий разговор мы ведём по-английски, который он понимает и на котором он изъясняется с сильным французским акцентом, но вполне сносно. – Когда я села рядом с ним, я вдруг почувствовала... волну уюта, что ли. Как будто это и есть моё место, как будто так было всегда и так должно быть. И мы познакомились.

Оливия изменилась. Постриглась и покрасилась в блондинку, встретила нас в строгом и стильном костюме с тонкой вышитой цветочной линией вдоль лацканов пиджака и манжет, в туфлях на каблуках. Я бы сказал, что она помолодела. И выглядит очень счастливой.

– Вспомнила! – она встаёт из-за стола, подходит к бару и достаёт бутылку сидра. Похоже, что того самого. – Последняя. Приберегла для Амстердама в Амстердаме. Это наконец-то свершилось

Они смотрят на меня, ожидая тост.

– Я вспоминаю твой прошлогодний тост, Марселла. Я повторю его почти в точности. За то, что делает нас живыми.

Мы чокаемся, я делаю глоток и позволяю магии этого напитка вскружить мне голову и возвеселить сердце. Будь благословенно всё.

«В такие моменты, мой друг, я готов благословить даже твою смерть».

«Скажи всем, что я очень вас люблю».

– Виктор говорит, что очень любит нас, – не задумываясь, говорю я, уставившись в стакан. Сглатываю подступивший к горлу ком и поднимаю взгляд. Фредерик, вежливо улыбается, а женщины смотрят на меня блестящими глазами.

– Я бы попросила тебя передать ему, что мы его тоже навсегда любим, но я думаю, что он знает, – улыбается Марселла.

– Марселла говорила, что вам остался последний рассказ? – спрашивает Оливия. Она смотрит мне в глаза, и взгляд её полон любви и грусти

– Да. Завтра думаем пойти к «Подсолнухам».

Она прикрывает глаза и молчит немного. Улыбается и открывает глаза.

– Тогда лучше пораньше, а то там обычно толпа. Да! – она отодвигает стул и встаёт. – У нас ещё есть яблочный пирог и мороженое. Мне кажется, что они составят отличную компанию сидру. Фредерик, давай уберём лишние тарелки и поставим десерт.

Провожая нас, Оливия долго-долго обнимает меня. Отстраняется:

– Спасибо за столько времени жизни, проведённого вместе. В добрый путь.

Я утыкаюсь лицом в её плечо и глубоко дышу. Подняв голову, замечаю два мокрых пятна на ткани пиджака.

– Будь очень-очень счастлива, – от всей души желаю я, обнимаю её напоследок,жимаю руку Фредерику, и мы с Марселлой идём к такси.

В номере я отдыхаю, лёжа на кровати, читая комментарии к моим записям и ленты соцсетей, а Марселла открывает ноутбук и ещё час работает: набирает электронные письма, коротко разговаривает по Skype с начальником нашего юридического отдела, по двум вопросам спрашивает моего мнения, записывает и отправляет видео обратной связи авторам одного проекта, которым мы решили отказать в инвестициях.

– Скажи честно: тебе нравится эта работа?

Марселла перестаёт стучать по клавишам, склоняет голову набок и думает. Оборачивается ко мне.

– Да, Амстердам. Я счастлива разделить с тобой это дело. И отдельно я счастлива, что мне оно нравится само по себе, а я нравлюсь себе в нём. Спасибо тебе, что предложил эту работу.

Она долго смотрит на меня, и её глаза наполняются слезами. Она бросается ко мне, ложится рядом, обнимает, всхлипывает. Думаю спросить, что с ней, но на самом деле я знаю, что с ней.

Завтра последний рассказ.

Последний из рассказов этой книги – про молодого человека и девушку, которые живут каждый своей жизнью, а раз в неделю встречаются, идут в галерею и занимаются медленным изучением какой-нибудь картины. По два часа сидят перед картиной, делают пометки в блокнотах, девушка тихо надиктовывает приходящие мысли на диктофон, готовя выпуск по истории искусств, а парень перерисовывает в разных стилях детали картины или схематично картину целиком. Потом они направляются к нему или к ней и медленно любят друг друга. Когда девушка умирает от передозировки наркотиков, парень приходит в галерею в обычное время, выбирает картину и долго, долго и внимательно рассматривает её. Конец рассказа.

«Подсолнухи». Виктор сказал, что это «Подсолнухи», и, прислушавшись к совету Оливии, мы пришли к открытию

галереи в 9. Мы смотрели на картину два часа. Марселла просто смотрела, то подходя ближе, то опять садясь на скамейку, ту самую, то подолгу смотрела на меня. Я же развлекался тем, что, как только ко мне приходила новая идея, я выкладывал в Instagram новую фотографию той же самой картины – только с новым пояснением от себя. Это была, наверное, самая странная серия публикаций, но я рад, что раз в жизни попробовал медленное рассматривание картины. Виктор сказал в записи, что, для Ван Гога подсолнухи символизировали благодарность, и мой канал `amsterdam_with_victor` заканчивается сплошными «Подсолнухами».

Потом мы вернулись в номер, опустили белые шторы и медленно и нежно любили друг друга. Поднимаясь в лифте, я задался вопросом: а если бы в рассказе герои не занимались любовью, стали мы делать это сейчас? И понял, что да. Виктор всё правильно увидел, а Оливия, рассказав вчера историю их знакомства с Фредериком, дала ещё одну подсказку. Когда два часа смотришь на великую картину, в какой-то момент начинаешь думать не о картине, а о том, с кем вместе ты на неё смотришь. Как красив этот человек и как величественно переплелись линии судьбы, чтобы вы сидели сейчас рядом на скамейке.

Если Марселла и услышала, как я встал, и проснулась, то она не подала виду. Может быть, она не хотела прощаться. Сколько можно прощаться... Свои письма к ней и Оливии я

завершил вчера ещё перед ужином у Оливии, и она найдёт их.

– Спасибо за жизнь вместе. Навсегда люблю тебя, – говорю я и закрываю дверь.

Дверь закрыта, в наушниках мягкий голос Виктора, ещё раз читающего последний рассказ, и впереди – только Амстердам и Виктор.

«Подсолнухи». Сажусь на скамейку, обвожу взглядом зал, чувствую на губах вкус сидра, закрываю глаза и делаю глубокий вдох и выдох.

"Ты обещал, что будешь со мной, когда я буду умирать".

"Я с тобой".

Я ощущаю твоё присутствие на скамейке рядом, и мне больше не страшно.